

КРИСТИАННА

БРЭНД

Кристианна Брэнд
(настоящее имя – Мэри Кристианна
Милн, 1907–1988) – известная британская
писательница, одна из знаменитых на весь
мир мастеров «золотого века» английского
детектива, таких как А. Кристи, Дж. Хейер,
Э. Гилберт и Н. Марш.

Автор более двадцати романов
и сборников рассказов, она несколько лет
возглавляла Британскую
ассоциацию остросюжетной
литературы.

КРИСТИАННА

БРЭНД

В КРУГУ СЕМЬИ
.....
СМЕРТЬ ИЕЗАВЕЛИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Б89

Серия «Золотой век английского детектива»

Christianna Brand
SUDDENLY AT HIS RESIDENCE
DEATH OF JEZEBEL

Перевод с английского *Н. Ломановой* («В кругу семьи»),
Л. Шаутидзе («Смерть Иезавели»)

Серийное оформление *В. Половцева*

Печатается с разрешения наследников автора
и литературных агентств AM Heath & Co Ltd. и Andrew Nurnberg.

Брэнд, Кристианна.

Б89 В кругу семьи. Смерть Иезавели : [сборник] / Кристианна Брэнд ; [пер. с англ. Н. Ломановой, Л. Шаутидзе]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 448 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-103200-5

Ежегодная церемония поминовения давно умершей первой супруги сэра Ричарда Марча завершилась семейным скандалом: разгневанный аристократ пригрозил лишить потомков наследства. И в ту же ночь его отравили стрихнином, выкраденным из сумки его внука — врача.

Кто же из членов семьи решился на преступление и как убийце удалось не оставить никаких следов? Инспектор Кокрилл полон решимости установить истину...

Изабель Дрю недаром прозвали Иезавелью: эта красавица, казалось, имела в жизни единственную подлинную страсть — делать зло окружающим. А потому ее убийство прямо в ходе спектакля многих шокировало, но мало кого удивило.

Виновник — кто-то из одиннадцати мужчин, игравших рыцарей. Но кто? Их лица были скрыты во время спектакля забралами, а сами они с ног до головы закованы в одинаковые доспехи. И у многих, как выясняет инспектор Кокрилл, имелись свои причины избавиться от Изабель...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Christianna Brand, 1947, 1948
Школа перевода В. Баканова, 2017
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-103200-5

В КРУГУ СЕМЬИ

Стивен Гард — семейный адвокат.

Бро — садовник.

Миссис Бро — его жена.

В числе вышеназванных лиц находятся две жертвы и один убийца.

Глава 1

Сидя в полутемном кабинете, Эдвард Тревис упорно изливал душу очередному психоаналитику, сбегавшему (почти пятнадцать лет назад) из захваченной врагом Австрии.

— Да, доктор, мне почти восемнадцать. Но я пришел к вам тайно, потому что моя бабушка имеет обыкновение сопровождать меня и рассказывать массу подробностей, которые никому не интересны... Моя бабушка? Это леди Марч, жена моего деда сэра Ричарда Марча. Но ее дочь, то есть моя мать, была незаконнорожденной. Правда, с моим отцом она находилась в законном браке, так что...

— Но вас все же тяготила эта печать незаконнорожденности, мой мальчик?

— Пожалуй, — согласился Эдвард, на самом деле не придававший этому никакого значения. — Но самое ужасное, что мои родители утонули, катаясь на лодке, и все это произошло на моих глазах...

Это было не совсем верно, потому что сам он в это время был полностью поглощен возведением песочного замка на берегу. Однако чуть позже его няня подробно воспроизвела перед ним картину происшедшего, заметив, что от такого бедное дитя вполне могло повредиться в уме. Так что, когда в следующий раз ему гро-

зило быть отшлепанным, он, приложив ручку ко лбу, объявил, что у него что-то с головой. К его радостному изумлению, наказание было отложено, и стало ясно, что теперь он находится в центре внимания и вызывает озабоченность. Ребенка последовательно показали нескольким важным джентльменам, которые производили — обычно с сильным гортанным акцентом — весьма обнадеживающие фразы типа «он не должен переутомляться», «пусть делает то, что хочет», «ребенку лучше не перечить», и, поскольку бабушка регулярно повторяла эти лозунги, он прибегал к ним как к своего рода спасательному кругу всякий раз, когда надвигался шторм. В частных школах, которых Эдвард сменил великое множество, к нему относились как к весьма необычному ребенку, а их директора неизменно направляли его родным тактичные послания, в которых высказывалось предположение, что условия в их заведениях слишком суровы для столь деликатного растения. Со временем выяснилось, что юный психопат не может жить вне дома, а сам Эдвард перестал различать границы между реальными и выдуманнами проявлениями ненормальности. Незначительный эпизод, произошедший пару лет назад, необычайно обострил воображаемую часть его состояния; и теперь от своего нового психиатра он услышал радостное известие, что может впасть в бессознательное состояние и протрацию, страдать от провалов в памяти, автоматизма и еще бог знает от чего...

— Вы хотите сказать, доктор, что я могу не сознавать, что делаю?

— Это вполне возможно, мой мальчик.

— Господи! — произнес Эдвард, пораженный услышанным.

— И еще вы не должны слишком резко поднимать взгляд! Это для вас опасно, так как может вызвать протрацию. И вы можете выронить из рук то, что в них держите. Так что будьте осторожны и старайтесь не поднимать взгляд!

Удивительно, как хочется посмотреть наверх, когда выходишь из темной комнаты на улицу. Эдвард, опустив голову, осторожно шел по тротуару и, войдя в телефонную будку, с трудом заставил себя перевести взгляд на таксофон, чтобы опустить туда два пенса и набрать номер кузена Филипа. Однако все обошлось.

— Алло? Элен? Это Эдвард. Вы с Филипом сегодня едете в Свонсуотер? Если да, то я сейчас в Лондоне и, может, у вас найдется место в машине?

На другом конце провода чуть замялись.

— Едем мы с Филипом и ребенок, а надо еще взять кучу вещей для малышки, вот в чем проблема; к тому же Пета и Клэр тоже едут с нами.

Хотя чем больше людей, тем меньше они с Филипом будут страдать от присутствия Клэр.

Наконец Элен произнесла:

— Конечно, будет тесновато, но мы тебя прихватим, Тедди.

— Правда? Спасибо огромное. А остальные уже у вас?

— Клэр приехала.

— Ну, а Пета, вероятно, уже в пути. Увидимся через полчаса.

Эдвард повесил трубку и взял шляпу — худой нервный брюнет с обворожительной улыбкой двинулся в путь, упорно глядя себе под ноги.

* * *

Однако Пета отнюдь не была в пути — изнывая от нетерпения, она наблюдала, как старшая медсестра с безумным упорством пересчитывает наволочки с явным намерением ей досадить.

— Двадцать семь, двадцать восемь, двадцать девять... а где же тридцатая?

— Под коленями сержанта Робертса, кровать номер четыре...

Поймав умоляющий взгляд Петы, сержант Робертс согнул ноги в коленях, убедительно демонстрируя, что под ними находится подушка.

— Хорошо, все тридцать здесь, — подвела итог старшая сестра, слегка прихлопнув стопку наволочек. — Начальник хозяйственного отдела будет доволен. Завтра он должен к нам прийти.

Величественно кивнув медсестре и проигнорировав волонтерку, она в сопровождении свиты выплыла из палаты. Однако за дверью все же поинтересовалась у своей заместительницы:

— Кто эта высокая блондиночка, которая так плохо прячет волосы под шапочкой?

— Сестра Марч, и к тому же отличная сестра. Ее дед — баронет, — благоговейно произнесла заместительница, словно этим все объяснялось.

— Форма у нее не как у всех. Слишком хорошо сидит. Наверняка эта маленькая кокетка шила ее на заказ.

Пета попрощалась с медсестрой, поблагодарила сержанта Робертса, причем столь горячо, что у того поднялась температура, помахала остальным больным, поощрительно улыбавшимся на своих кроватях, и поспешила по коридору, на ходу срывая шапочку и передник, что было строго запрещено правилами.

— Скоро, скоро, скоро я увижу Стивена!

Трясаясь в красном автобусе, она всю дорогу до Сент-Джонс-Вуда молилась:

— Господи, не дай мне делать глупости и размахивать руками, иначе Стивен будет презирать меня еще больше...

Еще со времен их совместного детства Стивен любил поддразнивать ее из-за привычки махать руками.

А в это время в маленьком домике в Сент-Джонс-Вуде Элен заклинала единственную служанку начищать латунную дощечку на двери и отвечать всем звонящим, что доктор Марч вернется только через неделю, а пока пусть обращаются к доктору Блэру.

Когда ее муж спустился вниз, она сообщила:

— Звонил Эдвард и просил взять его с собой. Думаю, мы сможем это сделать?

Филип был похож на своего юного кузена: те же темные волосы, нервозность и своеобразный шарм; однако сейчас он был раздражен и не скрывал этого.

— В машине будет ужасно тесно, к тому же у нас будут неприятности, если остановят.

— Но у тебя же есть отличное оправдание: ты доктор и едешь к больному.

— Да, у деда и вправду неважное сердце. — Последовала неловкая пауза. — Ты положила в машину мою докторскую сумку?

— Ты же сам ее туда положил.

Филип об этом прекрасно знал. Он просто пытался тянуть время, как, впрочем, и его жена, потому что никому из них не хотелось возвращаться в гостиную, где Клэр «стерегла ребенка», дабы он не мешал родителям собираться. Она ушла из редакции пораньше, чтобы

«выяснить отношения» перед совместной поездкой. «Нет смысла прятать голову в песок перед неизбежным, Элен... Мы должны быть честными, Филип...»

Клэр сидела, нервно потирая руки, и, опустив голову, рассматривала свои маленькие ножки. Ах, эта прекрасная головка с узлом пшеничных волос, низко лежащим на шее. Филип наверняка бы отметил, какой выразительный у нее рот, в отличие от Элен, которая считала, что Клэр слишком гримасничает, когда говорит, и этим сильно себя портит. Искренняя, страстная, нервная и вечно чего-то ищущая, она стала виновницей семейной драмы.

— Ты же знаешь, Элен, и уже давно, что мы с Филипом любим друг друга...

Элен приподняла темную бровь.

— Моя дорогая Клэр... Ну, прямо как в мыльной опере!

Прислонившись к каминной доске, Филип с несчастным видом переминался с ноги на ногу. В последние шесть лет жизнь его не баловала. Вернувшись из Америки, он получил диплом врача и открыл весьма многообещающую практику, но тут началась война и все пошло прахом. В армию его не взяли по той простой причине, что там, где до войны трудились четыре врача, надо было оставить хотя бы одного. Он пахал как проклятый по десять-двенадцать часов в день — нудная, рутинная, неприбыльная работа со страховыми пациентами из тех, кто рискнул остаться в Лондоне. Работая за четверых, он еле сводил концы с концами, измучился, поскуцнел, стал раздражительным и, как следствие, охладел к жене. Элен — маленькая полная брюнетка с живым характером — никак не облегчала его судьбу. Она не сочувствовала и не проявляла

нежности, сохранив в неприкосновенности свою беззаботную смешливость, которая так притягивала его когда-то. Но ведь мужчине требуется нечто большее, чем веселый смех, а теперь он и вовсе звучал безжалостно и неуместно. Клэр же была нежна и проявляла понимание. А для Элен серьезный кризис в их отношениях был всего лишь мыльной оперой.

— Это вовсе не повод для шуток, Элен, — возмутилась Клэр.

— А что еще прикажешь мне делать?

— Мы должны найти какой-то выход.

— Какой тут может быть выход? — возразила Элен. — Если Филип любит другую, уверяю тебя, у меня нет ни малейшего желания продолжать с ним жить, но у нас нет денег на развод, у нас ребенок, и мне надо на что-то существовать. Кстати, Филип, ты мог бы и не затевать весь этот спектакль, уходя спсть в другую комнату, сказал бы прямо, что я теряю сексуальную привлекательность. А то я уже начала за тебя переживать!

Клэр с благодарностью посмотрела на Филипа, который стоял, потупившись, и чувствовал себя крайне неловко.

— Я не могу позволить себе подобный скандал, — заявил он, возвращаясь к щекотливой теме развода. — Это меня погубит. Сейчас у меня появилась возможность специализации, а такие события губительны для врачебной практики, особенно в гинекологии.

— Все это очень печально, Филип. Я только не пойму, кто твоя настоящая жена: я, которая живет с тобой рядом, но и только, или Клэр, которая живет с тобой, но на стороне? Надеюсь, ты понимаешь, о чем я, — спросила Элен, склонив голову набок.

Клэр энергично запротестовала. Элен, уже готовая расстаться с мужем, поинтересовалась со свойственной ей практичностью:

— А ты можешь рассчитывать на наследство? Ведь дед вам обоим должен что-то оставить?

— Вряд ли нам что-то светит, — твердо ответил Филип. — Дед меняет завещание по два раза в год, и никто из нас не может быть уверен в результате. Правда, он всегда возвращается к исходному варианту, но сердце у него такое слабое, что он в любую минуту может загнуться и оставить нас в весьма затруднительном положении.

— Полагаю, ты можешь рассчитывать тысяч на десять?

— Да, что-то около того.

— По-моему, это несправедливо, — вмешалась Клэр. — Ты единственный мужчина в семье, а вся недвижимость и деньги отойдут Пете, хотя она девчонка.

— Ее отец был старшим сыном, а она его наследница. Так что все логично. Я всегда знал, что так и будет.

— Но не когда ты вернулся из Америки. Тогда дед хотел сделать наследником тебя, но вмешался Стивен Гард и все испортил.

— Похоже, мыльная опера превращается в торги, — иронично заметила Элен. — А вот, кажется, и остальные подтянулись, так что нашу увлекательную дискуссию придется прекратить или же продолжить в машине.

Она вышла в холл, чтобы встретить гостей.

— Привет, Эдвард. Здравствуй, Пета. Все-таки вырвалась из своего кошмарного госпиталя?

Пета стала с возмущением распространяться о кознях старшей сестры, которая устраивает инвентаризацию всякий раз, когда кто-нибудь собирается в отпуск. А Эдвард сообщил о своем новом психоаналитике.

— Он просто потрясающий, все время вяжет, а еще сказал, что я могу впадать в транс — ходить и что-то делать, а потом ничего не помнить...

— А почему он вяжет? — поинтересовалась Элен, заворачивая Антонию в несколько шалей и тем самым полностью обездвиживая девочку.

— Это успокаивает пациентов, и они не боятся говорить о себе...

— Элен, бога ради, не бери с собой шерсть, иначе мы всю неделю будем слушать о прострациях Эдварда...

Когда все спускались с лестницы, Пета взяла Элен под руку.

— Это твой первый отпуск за несколько лет, Нел. Ты, наверное, очень рада.

— Чрезвычайно, — сухо ответила Элен. — Белла доведет меня до безумия, поучая, как надо обращаться с детьми, а в перерывах твой дед будет убеждать меня завести их как можно больше — я имею в виду детей. Чего я сделать не могу, потому что у Филипа безумный роман с Клэр и он, храня ей верность, теперь спит один.

Все погрузились в машину: Филип с двумя кузинами — Петой и Клэр, его жена Элен и Эдвард Тревис, их сводный кузен, чья бабка Белла в 1890-х годах была любовницей сэра Ричарда, а в настоящее время приходилась ему законной женой. Филип с мрачным видом сел за руль, испытывая стыд и отчаяние при мысли о том, что его не могут поделить две женщины. Сидевшая рядом Клэр уже сожалела, что их любовь стала известна Элен, которая сделала из нее посмешище. Пета, обхватившая длинными ногами упакованные ножки от детской кровати, истово молилась, чтобы бог дал ей силы предстать перед Стивеном в самом выгодном